

Оглушенный шквалом вопросов, Ши Цзинь перевел взгляд с документов на лицо Лянь Цзюня, мучительно пытаясь вспомнить, о чем же он думал в тот момент. Наконец он слабо выдавил:

— Я забыл... Я правда не собирался ничего от тебя утаивать...

Он и в самом деле забыл. В тот день все его мысли поначалу занимала встреча Чэнь Цина с Лянь Цзюнем, а потом, после всей той чуши, что нанес Ши Вэйчун, он изводил себя переживаниями о том, не злится ли на него босс. Делая отчет, он ни словом не обмолвился о списке просто потому, что это совершенно вылетело у него из головы. Вспомнил он о нем лишь вечером, когда уже лежал в постели.

Затем из-за анализа данных у него подскочила температура, и несколько дней голова вообще отказывалась соображать. А когда ему полегчало, инцидент с Рябым Юанем уже отошел на задний план — всё его внимание переключилось на попытки выяснить, действовали ли Ши Вэйчун и Сюй Чуань заодно. Ему и в голову не приходило сообщить Лянь Цзюню о списке клиентов.

Короче говоря, он попросту... забыл. Вернее, мысль о том, что о таких вещах следует докладывать Лянь Цзюню, даже не успела зародиться в его мозгу.

Лянь Цзюнь смотрел на это по-дурацки искреннее лицо и какое-то время хранил молчание, подавляя эмоции. Но, когда стало очевидно, что подросток не собирается ничего добавлять, гнев начал закипать в нем с новой силой.

— Ты забыл? И это всё твоё объяснение?

Под натиском его ярости Ши Цзинь лишь напряженно кивнул.

Лянь Цзюнь развернул инвалидное кресло, собираясь уехать, но, не проехав и метра, резко остановился и посмотрел на Ши Цзиня. Он заставил свой голос звучать мягче:

— В тот день, когда ты отправился на встречу с Ши Вэйчуном, ты сказал, что тебе нужно обсудить с ним семейные дела. И этими «семейными делами» оказалось твоё подозрение, что ты числишься в списке потенциальных жертв «Оборотня»?

Ши Цзинь увидел, как лицо босса побелело от гнева, и его охватила легкая паника. Он вцепился в подлокотник кресла и робко кивнул:

— Да.

— Семейные дела! Ши Цзинь, иди к себе и хорошенько подумай. Когда поймешь, в чем неправ, придешь ко мне. — Лянь Цзюнь сбросил руку Ши Цзиня и уехал, даже не оглянувшись.

Бац! Дверь кабинета с грохотом захлопнулась.

Напуганный столь редким проявлением ярости Лянь Цзюня, Ши Цзинь в шоке уставился на закрытую дверь.

Спустя пару секунд створки осторожно приоткрылись, и внутрь проскользнул Гуа Второй. Понизив голос, он спросил:

— Как тебе удалось так взбесить Цзюнь-шао? Он прямиком направился на подземный этаж.

Ши Цзинь был совершенно сбит с толку — он решительно не понимал, почему эта ситуация

вызвала у Лянь Цзюня такой гнев. В расстроенных чувствах он лишь покачал головой:

— Я не знаю... Эм, а зачем Цзюнь-шао спустился на подземный этаж?

— Пострелять. Каждый раз, когда Цзюнь-шао злится или просто не в духе, он отправляется в тир. Это его давняя привычка, — ответил Гуа Второй. Глядя на растерянное лицо Ши Цзиня, он обреченно вздохнул и спросил: — О чем вы вообще только что говорили?

Словно утопающий, хватаящийся за соломинку, Ши Цзинь подхватил папку с документами и подошел к Гуа Второму. Вцепившись в него, он тихим голосом пересказал всю ситуацию от начала до конца, завершив рассказ словами:

— Я правда просто забыл. Но когда я так ответил, Цзюнь-шао разозлился еще сильнее. Сказал, чтобы я хорошенько подумал и пришел к нему, когда всё пойму.

Выслушав его, Гуа Второй нахмурился:

— Ши Цзинь, возможно, дело в том, что ты присоединился к нам недавно и не прошел путь с самых низов внутри «Аннигиляции», но порой тебе не хватает знаний, которые для нас являются прописными истинами. Твоя ошибка в этот раз заключается в том, что ты нарушил фундаментальное правило преступного мира: ты утаил информацию. В нашем деле это самое страшное табу. Ты можешь сказать, что в этом нет ничего особенного, что это сугубо твое личное дело, с которым ты можешь справиться сам, но ты всё равно обязан был доложить Цзюнь-шао. Иначе, если бы однажды из-за этого списка ты попал в беду, мы бы остались в неведении и ничем не смогли бы тебе помочь. Это правило написано кровью бесчисленных предшественников — если есть малейший признак того, что тебе угрожает опасность, по какой бы то ни было причине, ты обязан доложить наверх. Это делается как ради твоего же блага, так и ради общего благополучия, понимаешь?

Ши Цзинь никогда не рассматривал ситуацию под таким углом; слова Гуа Второго пролили на нее совершенно иной свет. Он кивнул:

— Я... Да, кажется, я понимаю.

Увидев, что парень действительно прислушивается, Гуа Второй почувствовал удовлетворение. Он продолжил:

— Помимо утаивания информации, ты совершил еще одну ошибку — обратился за помощью к людям со стороны и не предупредил об этом Цзюнь-шао.

— Я не искал помощи на стороне, я лишь хотел проверить отношение ко мне старшего брата!
— запротестовал Ши Цзинь.

— Я верю, что у тебя не было дурных намерений. И Цзюнь-шао, должно быть, тоже это понимает, иначе он бы не побежал в тир спускать пар, а вышвырнул бы тебя вон и назначил наказание. Но даже если ты не собирался просить помощи у посторонних, в глазах других это выглядит именно так. В нашем мире, когда нам угрожает опасность или есть риск с ней столкнуться, лучший выход — доложить организации, а не пытаться разругать всё в одиночку. Привлечение людей со стороны может раздуть проблему до невообразимых масштабов, излишне всё усложнив. Что ж, в этот раз ты облажался не так сильно — в конце концов, человек, которого ты в это втянул, твой родной брат. Твоя вина лишь в том, что ты не предупредил Цзюнь-шао заранее... Так или иначе, если Цзюнь-шао велел тебе подумать и прийти к нему, значит, он дает тебе шанс. Не упусти его. — Закончив свою тираду, Гуа Второй

с минуту задумчиво разглядывал Ши Цзиня, затем вздохнул и ушел.

Ши Цзинь плюхнулся на диван и снова пролистал папку.

— Сяо Сы, я действительно всё сделал неправильно?

<У тебя просто нет опыта,> — попытался утешить его Сяо Сы.

— Опыт тут ни при чем. — Ши Цзинь погрузился в быстрый самоанализ. Вспомнив свои мысли и слова Гуа Второго, он тяжело вздохнул. — Я просто... не подумал об этом.

Ведь если бы он чуточку больше считался с Лянь Цзюнем, если бы чуточку больше ему доверял, он бы ни за что не забыл рассказать о списке клиентов. В конечном счете, он просто пренебрег этим. Хотя он и заботился о безопасности Лянь Цзюня, считая его своим «золотым бедром», за которое стоит держаться, он никогда не доверял боссу свою собственную безопасность.

Лянь Цзюнь всегда относился к нему как к подчиненному, о котором нужно заботиться и которого нужно защищать, но Ши Цзинь никогда не воспринимал Лянь Цзюня как босса, на которого можно опереться. Именно эта разница во взглядах и стала истинной причиной того, почему он «забыл» рассказать Лянь Цзюню о списке.

Сяо Сы нервно заерзал, не зная, как его утешить.

— Пошли. — Ши Цзинь резко отложил документы и встал.

<Пошли? Куда?> — перестал суетиться Сяо Сы.

— Извиняться, — ответил Ши Цзинь со вздохом. — Ты же знаешь, в каком состоянии физическое здоровье твоего Дорогого. Справляться с отдачей от стрельбы — занятие энергозатратное. Вдобавок ко всему, когда он уходил, от ярости на нем лица не было, а это тоже бьет по организму. Боюсь, он перенапряжется, и его здоровье пошатнется, а значит, все мои усилия за последние несколько месяцев пойдут прахом.

Сердце Сяо Сы ушло в пятки, и он начал поторапливать Ши Цзиня.

По приказу Лянь Цзюня тир полностью освободили от людей и закрыли. Ши Цзиня остановили в приемной, и ему оставалось лишь ждать у дверей.

Несколько часов спустя Лянь Цзюнь наконец вышел, выглядя как ни в чем не бывало. К его лицу вернулось привычное спокойствие, не оставив и следа от недавней бури.

Ши Цзинь бросился вперед, преграждая ему путь.

— Цзюнь-шао, я понял, в чем был неправ.

Лянь Цзюнь остановил кресло и посмотрел на него. Его ответ был лаконичен:

— Говори.

Увидев, что тот не отказывается от разговора, Ши Цзинь облегченно выдохнул. Он торопливо затараторил, что ему не следовало скрывать информацию и искать помощи на стороне. Затем он искренне извинился и попросил назначить ему наказание.

Лянь Цзюнь некоторое время молчал. Медленно постукивая пальцем по подлокотнику, он спросил:

— Тебе это Гуа Второй объяснил?

Лицо Ши Цзиня напряглось. Он с опаской покосился на Лянь Цзюня, затем кивнул:

— Но я правда всё осознал. Впредь я буду внимательнее, следующего раза точно не будет.

Лянь Цзюнь продолжал сверлить его взглядом:

— Тебе есть еще что сказать?

Ши Цзинь решил не испытывать судьбу и покачал головой.

Лицо Лянь Цзюня помрачнело. Он развернул инвалидное кресло, намереваясь вернуться в тир.

— Не надо! Мне еще есть что сказать, не возвращайся туда! На тебе и так лица нет! — Ши Цзинь вцепился в кресло Лянь Цзюня, останавливая его. Затем, бесстрашно заглядывая смерти в глаза, он схватил правую руку мужчины, чтобы осмотреть её. Убедившись, что ладонь действительно покраснела от напряжения, он не смог удержаться от нравоучений: — Ты злишься, ладно, но зачем так истязать себя? Разве ты не знаешь, что у тебя слабое здоровье? С отдачей от пистолета шутки плохи, а ты столько времени там пробыл...

— Довольно! — Лянь Цзюнь выдернул руку и холодно бросил: — Иди к себе и продолжай размышлять над своими ошибками.

— Время ужинать. Подумаю над поведением после еды. — Ши Цзинь не отпустил кресло и покатил его к лифту, совершенно не обращая внимания на сопротивление владельца. Он нажал кнопку шестого этажа и заявил: — Сначала еда. Сегодня можешь обойтись без супа.

Губы Лянь Цзюня сжались в тонкую линию.

— Не испытывай мое терпение, Ши Цзинь, — прорычал он.

— Я и не пытаюсь, просто я еще не закончил объяснять. Давай поговорим за едой. — Ши Цзинь, боясь, что тот продолжит причинять себе вред, смягчил голос, пытаясь его успокоить.

— Это же на меня ты злишься, так зачем вымещать всё на себе? Я парень крепкий, кожа у меня толстая, ругань вытерплю. Если бешу тебя — так и скажи, сам я до причины вряд ли докопаюсь. Ты уж скажи мне прямо, над чем я должен рефлексировать.

Лянь Цзюнь отвернулся, отказываясь произнести хоть слово. Он даже не желал видеть отражение Ши Цзиня в зеркале лифта.

Ши Цзинь не стал продолжать болтовню. Он наклонился, чтобы помочь Лянь Цзюню укрыть ноги пледом, а когда двери лифта открылись, выкатил его в коридор и так и довез до самой столовой. Попутно он не забыл позвонить на кухню и предупредить, чтобы к сегодняшнему ужину суп не подавали.

Добравшись до места, Ши Цзинь подкатил Лянь Цзюня к его привычному месту, но вместо того, чтобы сесть напротив, как он делал это обычно, устроился прямо рядом с ним. Ожидая, пока принесут еду, он искренне произнес:

— Не сердись больше, я правда понимаю, что был неправ.

Лянь Цзюнь на него не смотрел, но и замолчать не требовал.

Ши Цзинь вздохнул. Он придвинул свой стул поближе, поправил плед Лянь Цзюня и медленно заговорил:

— Я действительно не собирался ничего от тебя утаивать. В день возвращения с задания меня отвлекли проблемы с Чэнь Цинем и вся та чепуха, что нес мой брат, и список клиентов «Оборотня» просто вылетел у меня из головы. Позже, когда я о нем вспомнил, у меня поднялась температура. Я постоянно был как в тумане и снова обо всем забыл.

Лянь Цзюнь по-прежнему молчал, но его голова чуть повернулась в сторону Ши Цзиня. Очевидно, он внимательно слушал.

Заметив это, Ши Цзинь с воодушевлением продолжил:

— Что касается моего старшего брата — дело не в том, что я хотел обратиться к нему за помощью, я просто пытался понять, замешан ли он во всем этом.

Он описал положение Сюй Чуаня и его статус доверенного лица семьи на тот момент, свои догадки о том, что именно Сюй Чуань желал ему зла, и подозрения насчет возможного сговора между Ши Вэйчуном и Сюй Чуанем. Он объяснил всё в мельчайших подробностях, умолчав лишь о том, что Сяо Сы скопировал информацию, и сказав лишь, что вычислил имя Сюй Чуаня по обрывкам разговоров, подслушанных на задании, и некоторым зацепкам.

— Ты же знаешь, раньше я подозревал, что старший брат хочет меня убить. И хотя наши отношения наладились после того, как мы разрешили пару недоразумений, я боялся, что просто выдаю желаемое за действительное, поэтому хотел прощупать почву и проверить его отношение ко мне. Я стремился лишь убедиться, что мой брат и Сюй Чуань не заодно, а не просить у него помощи за твоей спиной.

Лянь Цзюнь наконец-то соизволил посмотреть на него. И хотя его брови всё еще были нахмурены, голос прозвучал чуточку мягче:

— Если так, почему ты тогда ничего мне не сказал? Прошло несколько дней с тех пор, как ты поправился и встретился с Ши Вэйчуном, до того момента, как со мной связались официальные лица. За это время у тебя была уйма возможностей всё мне рассказать. Почему ты промолчал?

— Я... — Ши Цзинь посмотрел на него. В его голове пронеслась тысяча всевозможных отговорок, но, встретившись с глазами Лянь Цзюня, все эти уклончивые фразы застряли у него в горле. Он опустил голову и вздохнул: — Потому что это личное дело, и я не считал, что об этом нужно распространяться... Я не думал, что должен ставить тебя в известность.

Это была уродливая, неприятная правда, извлеченная из самых глубин души Ши Цзиня — в глубине души он вообще не собирался полагаться на Лянь Цзюня. Он слишком привык к независимости; в его подсознании просто не существовало концепции того, что «в беде можно попросить помощи у других».

Из-за своего положения это всегда он помогал другим. Он не привык искать помощи у посторонних.

Возможно, этого не осознавал даже сам Ши Цзинь: он беспокоился о Лянь Цзюне, но не чувствовал в нем нужды.

Лянь Цзюнь отнюдь не был глуп — скорее, он был слишком проницателен. Глядя на понурую голову Ши Цзиня, он почувствовал, как тяжесть, давившая ему на грудь всю вторую половину дня, медленно рассеивается. Его пальцы, до побеления сжимавшие подлокотники кресла, расслабились. Спустя долгое мгновение он придвинулся ближе к столу и, по стечению обстоятельств, отдалился от Ши Цзиня.

— Ешь, — сказал он.

Ши Цзинь вскинул голову и запинаясь позвал:

— Цзюнь-шао...

— Ешь, — перебил его Лянь Цзюнь и взял палочки. — Я помогу тебе проследить за делом Сюй Чуаня, а ты найдешь Гуа Второго, чтобы восполнить пробелы в своих знаниях. Я не хочу, чтобы подобное повторилось.

Ши Цзинь взглянул на его невозмутимый профиль и открыл было рот, чтобы что-то сказать, но затем молча закрыл его.

Он не знал, что еще тут можно добавить; всё и так предельно прояснилось, и было очевидно, что Лянь Цзюнь намерен оставить прошлое в прошлом. Кроме того, казалось, что... босс больше не желает его слушать.

Ужин прошел в подавленной атмосфере. На первый взгляд Лянь Цзюнь больше не злился. Он прислушивался к советам Ши Цзиня насчет еды и даже расспросил о Сюй Чуане в больших подробностях, явно готовый помочь во всем разобраться. И всё же Ши Цзинь не мог отделаться от ощущения, что обстановка стала какой-то странной. У него на душе было куда тяжелее, чем тогда, когда Лянь Цзюнь открыто проявлял свой гнев.

Несколько дней спустя, благодаря вмешательству Лянь Цзюня, расследование дела Сюй Чуаня начало стремительно набирать обороты.

Ши Цзинь понятия не имел, как Лянь Цзюню это удалось, но тот умудрился развязать языки боссу «Оборотня» и двум его заместителям. От них следователи получили подтверждение того, что человеком, заключившим сделку с группировкой, действительно был Сюй Чуань, а также узнали о его детальных требованиях касательно похищения.

Изуродовать лицо, отрубить пальцы, убить жертву разрешалось, но лишь после того, как её будут достаточно долго пытать — таковы были требования Сюй Чуаня, жестокие и бесчеловечные до крайности.

Услышав эти показания, Сян Аотин пришел в такую неистовую ярость, что едва не ворвался в камеру Сюй Чуаня, чтобы избить его до полусмерти. Когда окружающим удалось его остановить, выражение его лица было настолько жутким, что на него страшно было взглянуть.

Имея на руках признания членов «Оборотня», следователи наконец сумели заставить Сюй Чуаня заговорить — впервые с момента его ареста. Первой же фразой, слетевшей с его губ, было:

— Я хочу видеть Ши Вэйчуна и Ши Цзиня.

Узнав о требовании Сюй Чуаня, Ши Вэйчун собирался тут же ответить отказом, так как не желал, чтобы Ши Цзинь подвергался злобе этого человека. Однако Ши Цзинь настоял на

поездке, заявив, что хочет поговорить с Сюй Чуанем лицом к лицу.

Братья зашли в тупик, пока Лянь Цзюнь не разрешил спор, вынеся вердикт: поезжайте. Раз Ши Цзинь хочет ехать, пусть едет.

Ши Вэйчун был возмущен, но ему пришлось пойти на компромисс — у Лянь Цзюня всё равно нашлись бы свои способы устроить Ши Цзиню встречу с Сюй Чуанем, так что протестовать было бесполезно. Уж лучше он сам возьмет Ши Цзиня с собой, тогда он хотя бы сможет контролировать ход их встречи.

В удобное для всех время Ши Вэйчун приехал в клуб, чтобы забрать Ши Цзиня на встречу с Сюй Чуанем.

Перед уходом Ши Цзинь нашел Лянь Цзюня и заверил его, что встреча не займет много времени и он обязательно вернется к ужину.

Лянь Цзюнь не взглянул на него. На самом деле, он даже не удосужился оторвать взгляд от документа, который читал.

— Позвони Гуа Первому, если что-то случится, — вот и всё, что он ответил.

Ши Цзинь хотел было что-то сказать, но прикусил язык. Он отвернулся и покинул кабинет с тяжелым сердцем.

Последние несколько дней он отчетливо ощущал исходящие от Лянь Цзюня холодность и отчуждение. И хотя они по-прежнему вместе ели и проводили дни в компании друг друга, количество их разговоров свелось практически к нулю. К тому же отношение Лянь Цзюня стало безразличным, лишенным той живости, что проскальзывала раньше.

И словно этого было мало, Лянь Цзюнь вновь начал перебирать еду, а его цвет лица становился всё хуже и хуже. День за днем он терял тот крошечный вес, который с таким трудом набрал за последние месяцы.

— Ох... — Ши Цзинь вздохнул, снедаемый тревогой.

Это был уже третий его вздох с тех пор, как он сел в машину. В конце концов, Ши Вэйчун не выдержал:

— Что стряслось? Тебе восемнадцать, а ты вздыхаешь чаще, чем дряхлый старик. Переживаешь из-за встречи с Сюй Чуанем?

Ши Цзинь вынырнул из своих мыслей, взглянул на него и покачал головой:

— Нет... Я беспокоюсь за Лянь Цзюня. В последнее время он сильно исхудал.

Лицо Ши Вэйчуна помрачнело, и он умолк. И хотя в прошлый раз Ши Цзинь божился, что испытывает к Лянь Цзюню исключительно благоговение, его нынешнее поведение заставляло задуматься об обратном.

У Ши Цзиня, похоже, сорвало какой-то внутренний переключатель, потому что он вдруг начал причитать:

— Мне всё время кажется, что Лянь Цзюнь до сих пор злится, но он отказывается хоть что-то обсуждать, и я понятия не имею, что делать. Он почти перестал есть. Раньше, если я его

уговаривал, он съедал хотя бы на пару кусочков больше, а теперь просто встает и уходит, стоит мне хоть заикнуться об этом, будто ему лучше вообще ходить голодным. Совершенно не заботится о своем организме.

Слушая бурчание Ши Цзиня, Ши Вэйчун почувствовал, как в груди разливается удушливое чувство, мешающее дышать. Он выпалил:

— Он взрослый человек, это его личное дело — есть или нет. С чего ты вообще из-за этого так печешься? Ты живешь у него, чтобы «учиться», а не нянчиться с ним!

— Как мне не переживать? Я потратил столько сил, чтобы он хоть немного прибавил в весе, закармливал его буквально с ложечки. Это было ох как нелегко. — Ши Цзинь был раздавлен. Он распластался на сиденье, тяжело вздохнув в четвертый раз, и пробормотал: — Вот бы я мог отдать ему немного плоти со своего тела...

Вены на лбу Ши Вэйчуна вздулись так сильно, что казалось, вот-вот лопнут. Он резко ударил по тормозам, съехал на обочину, а затем повернулся и уставился на Ши Цзиня.

Подросток испуганно вздрогнул.

— Что случилось, старший брат? Уж ты-то на меня не злился, я с этим просто не справлюсь, — пролепетал он.

— ...Так тебе и надо! — Ши Вэйчун снова завел машину. Этот разговор начал его откровенно бесить, поэтому он поспешил сменить тему: — Какие планы на Новый год*? Он уже не за горами.

На Новый год? Озадаченный, Ши Цзинь выглянул в окно. Входы в некоторые здания уже были украшены красными ромбовидными иероглифами «Фу»* и красными фонариками — и правда, праздник был на носу. Он не удержался от очередного вздоха: в этом году ему не доведется ни поесть пельменей* с семьей, ни обменяться новогодними поздравлениями и пожеланиями с коллегами.

При звуке его вздоха у Ши Вэйчуна разболелась голова. Он не удержался, протянул руку и щелкнул подростка по лбу.

— Ай. — Ши Цзинь стукнулся головой о стекло. Он повернулся и сердито посмотрел на Ши Вэйчуна: — За что ты меня ударил?

— Чтобы привести тебя в чувство, — огрызнулся Ши Вэйчун, но, увидев обиженное лицо Ши Цзиня, потерял всякое желание отчитывать его дальше. Он просто перестал с ним разговаривать, пока младший брат не довел его до белого каления.

Место, где содержали Сюй Чуаня, было довольно скрытным — секретный следственный изолятор, о существовании которого общественность не подозревала. Как-никак, он был не только известным адвокатом, но и имел связи с преступным синдикатом «Оборотень», поэтому с ним приходилось обращаться с особой осторожностью.

К тому времени, как Ши Вэйчун и Ши Цзинь прибыли на место, Сян Аотин был уже там. Он беседовал с полицейскими, отвечавшими за допрос Сюй Чуаня.

— Четвертый брат, — позвал Ши Цзинь, войдя в комнату.

Сян Аотин прервал разговор и подошел к нему.

— Ты правда уверен, что хочешь встретиться с Сюй Чуанем?

Ши Цзинь кивнул:

— Да. Я хочу знать, почему он пытался причинить мне вред.

— Старший брат может спросить его об этом вместо тебя. — Сян Аотин был в корне не согласен с решением Ши Цзиня и призывал его передумать, но так и не смог убедить его изменить свое решение. Поняв, что уговоры не действуют, он бросил взгляд на Ши Вэйчуна, стоящего рядом с подростком.

— Не волнуйся, я присмотрю за ним, — успокоил его Ши Вэйчун.

Смирившись, Сян Аотину ничего не оставалось, кроме как развернуться и дать полицейским отмашку пропустить обоих в комнату для допросов.

Сюй Чуань услышал звук открывающейся двери, но даже не шелохнулся, пока Ши Вэйчун и Ши Цзинь не сели по другую сторону стола. Лишь тогда он поднял голову, словно что-то почувствовав. Ши Вэйчун сидел прямо напротив него, поэтому его он увидел первым, но было очевидно, что тот его не интересуется. Его взгляд скользнул дальше и замер на Ши Цзине.

А затем он оцепенел.

Ши Цзинь тоже смотрел на него. Внимательно наблюдая за выражением его лица, он взял инициативу в свои руки и спросил:

— Почему ты хочешь меня убить?

Выражение лица Сюй Чуаня стало каким-то странным. Он медленно выпрямился и наклонился ближе к Ши Цзиню, пристально вглядываясь в его черты. Он даже протянул руки, пытаясь дотронуться до лица юноши.

— Что ты себе позволяешь?! — Ши Вэйчун с силой отбил его руки.

Сюй Чуань словно очнулся от сна. Он перевел взгляд с Ши Вэйчуна на Ши Цзиня и вдруг громко расхохотался:

— Какая нелепость! Вы вдвоем сидите здесь так любовно, словно добрые братья? Вот это юмор! Мне нечего вам сказать; победителей не судят, а горе — побежденным. Человек, стоящий за мной, — Сюй Тяньхуа, бывший заместитель председателя совета директоров «Жуйсин». Ши Синжуй давно был у него бельмом на глазу. Узнав, что тот оставил все свои акции Ши Цзиню, он и придумал план убить или покалечить его, чтобы воспользоваться ситуацией и захватить контроль над корпорацией. Но какая досада: он не успел воплотить задуманное в жизнь, как появился ты, Ши Вэйчун, словно чертик из табакерки, и нанес ему удар исподтишка.

Примечания переводчика:

«Какие планы на Новый год?» — Ши Вэйчун имеет в виду Китайский Новый год, который обычно выпадает на период между 21 января и 20 февраля.

«Красные ромбовидные иероглифы «Фу»» — иероглиф 𠂇 дословно переводится как

«благословение, счастье».

«Пельмени» — на севере Китая существует обычай лепить пельмени (цзяоцзы) после ужина, чтобы съесть их около полуночи. Пельмени символизируют богатство, так как их форма напоминает традиционный китайский слиток серебра (ямб).

<http://bllate.org/book/18125/1746253>